

В. А. ЧЕЛЫШЕВ

Памяти Михаила Сергеевича

Прямые контакты с Горбачевым начались у меня в день похорон Сахарова. До этого мы виделись с ним, но всегда в окружении других депутатов. Он очень внимательно относился к общественным структурам, а я представлял Международный комитет защиты свободы слова и прав журналистов. Он тут же назначал встречу, когда я к нему обращался от этого комитета. Был очень внимателен.

На переговорах Горбачев был очень серьезным: соглашался на то, что мог согласиться, на что не мог согласиться — не соглашался. Никакой велеречивости у него при переговорах не было, был очень деловит. Когда он вел переговоры, он был в деловой форме, совершенно другой человек — не тот, что в публичном пространстве. Очень деловой, никаких разговоров, очень конкретный. Обращался ко всем исключительно на «ты».

Я у него два или три раза брал интервью уже после ухода. Мы пересекались с ним уже в более позднее время, один раз даже выпивали чуть-чуть. Он спрашивал меня: стоит ли ему возглавлять «Зеленый крест», ему тогда предлагали. Его интересовало: может ли заниматься экологией человек, прежде занимавшийся чистой политикой. Он, конечно, придал весу этой структуре. Бывало обижался на журналистов, это с ним случалось. Как-то раз меня предупредили его помощники, что интервью будет длиться ровно 45 минут. Я стал собираться по истечении этого времени, он обиделся, сказал мне — «в этом кабинете я решаю, сколько продолжается беседа». Мы с ним еще час проговорили после этого. Помню, спрашивал меня: проголосуют ли за него на выборах-96. Я ему честно сказал: «Михаил Сергеевич, Вам не все здесь говорят правду. А я скажу правду, но она Вам будет неприятна». Он опечалился: «Думаешь, за меня не проголосуют?»

То, что говорят, что он бросил и предал — это неправда. Бросили и предали его. Никто из политиков у меня не пользовался доверием. Бывало, мне лгали в лицо — такие у них были правила. Между тем с неправдой можно тактически выигрывать, но нельзя с ней одержать полной победы. Он был политиком, он имел свою

точку зрения. Михаил Сергеевич не был полностью свободен в своих действиях, время от времени он делал шаги вперед и назад, удовлетворяя то одну, то другую сторону. Он думал, что получится построить хорошее демократическое государство, был уверен в этом. Он говорил *правду*, когда говорил людям об этой своей вере. Он хотел построить честную демократическую страну, но не понимал еще, с кем он связался. Не понимал того, что люди, окружающие его — речь о деньгах в ту пору на самом высшем уровне еще не шла, но были другие, не менее значимые, интересы — думали уже лишь о своей выгоде. Он же вел к своей цели — сам ли, или когда-то они это придумали с Андроповым или кем-то еще — не знаю, но он мечтал о свободном демократическом государстве.

Он был судьбой страны. Судьба не бывает никогда прекрасной, она бывает всегда неотвратимой. Неотвратимость перемен в Советском Союзе была неизбежной. Мог он победить? Не знаю. Вокруг было слишком много недоверия друг к другу у многих людей, как и сейчас, как и почти всегда. Это была многопартийная система при существовании одной партии — каждый человек произносил одно, но ставил перед собой личные цели. При такой атмосфере рассчитывать на успех было трудно. Конечно, Михаил Сергеевич хотел не того результата, который случился. Его называли утопистом. Да нет же. ГКЧП первым развалил страну (без этих мёртвых лебедей ушли бы прибалты, молдаване и грузины, но был шанс, был!) Он воспринял распад Союза как свою личную драму и как драму народную: он понимал, что нитки, из которых был сшит наш кафтан, сгнили; побежали из единой страны даже те республики, которые были сшиты прочными нитками.

Повторю еще раз: при личном контакте, при деловых встречах он был гораздо интереснее, чётче, деловитее, чем при публичных действиях. Это был другой человек, не делавший ни одного популистского шага. Он был очень серьёзен. Да, внешне доброжелателен, но серьёзен, и вызывал то уважение, которое привязало меня к нему, несмотря на то, что мы и спорили не единожды.

Царствие небесное. С уходом выдающегося реформатора, при котором мы узнали и счастье, и боль, жизнь не останавливается. Жаль только, что память у людей коротка, и через несколько лет кто-то вновь будет изобретать велосипед свободы. А другой мастеровитый будет учиться закручивать гайки. Этот кто-то — изобретатель велосипеда — уже точно родился. А возможно, и вырос. А тот, другой, с гаечным ключом, кажется бессмертным.

